

K 556/43r

К Р О К О Д И Л

№ 32 МОСКВА 1943

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА». ГОД ИЗДАНИЯ XXII

ЦЕНА НОМЕРА — 40 КОП.

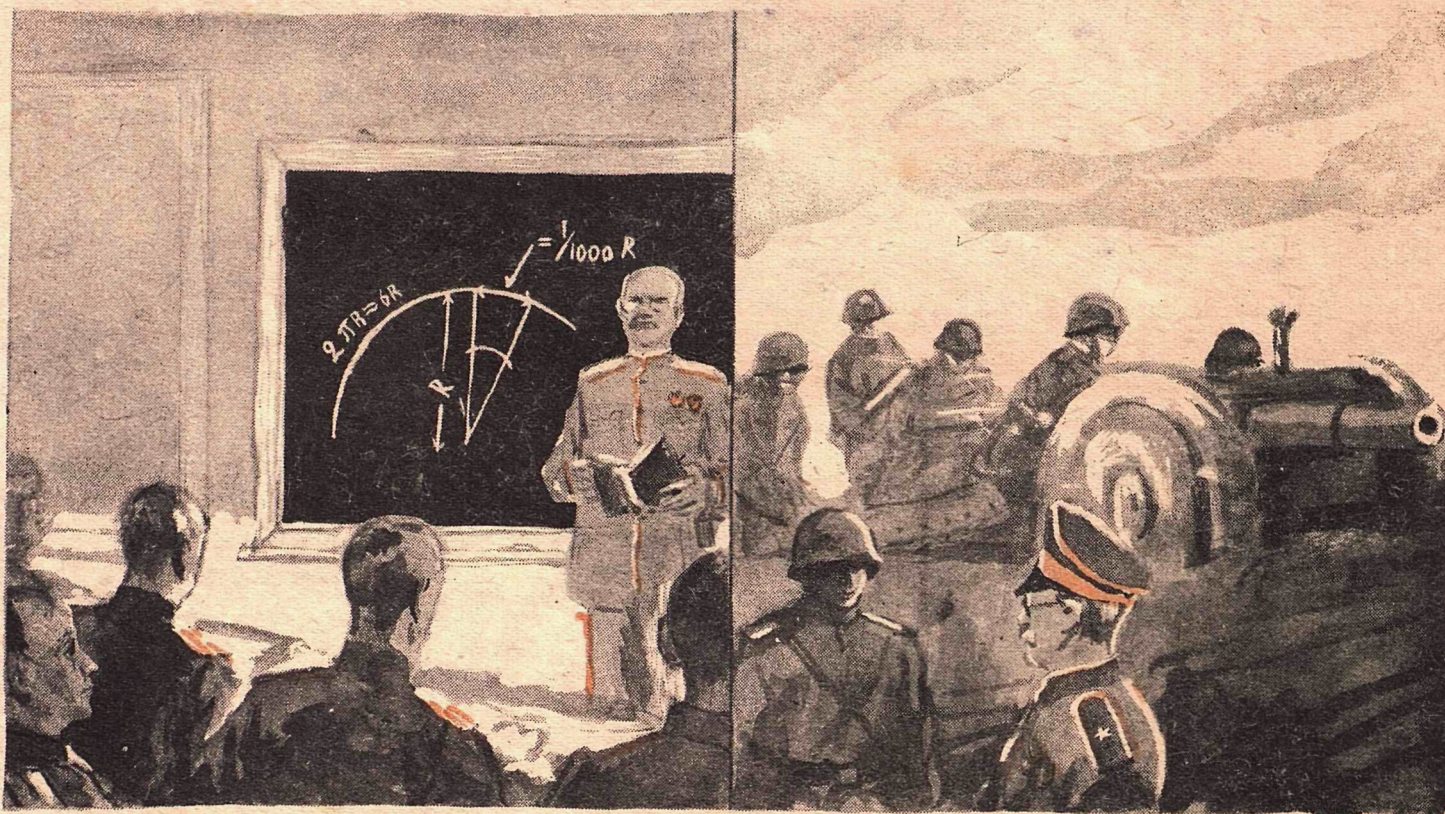

ОЧИЩАЕТСЯ НЕБО УКРАИНЫ

Рис. Л. Вродаты

АРТИЛЛЕРИЙСКАЯ ПОДГОТОВКА

Рис. И. Семёнова

— Чтобы провести так точно расчёт, нужна отличная подготовка.

— Чтобы провести так точно подготовку, нужен отличный расчёт.

ОТ СОБСТВЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН. Германское информационное бюро опровергает распространяемый вражеской пропагандой слух о гибели во время поспешного бегства из Харькова германского генерала фон Беглера. В действительности же генерал фон Беглер был убит во время эластичной обороны по пути от Харькова на запад.

ума, но не министр пропаганды, а его брат Ганс, директор страхового общества. В связи с этим передают: за Гансом Геббельсом давно замечались странные поступки, но когда он в последнее время начал упорно заявлять, что брат его поворачивает правду, психиатры единодушно признали Ганса безнадёжно помешанным.

ЛОНДОН. В кругах местных садоводов рассказывают, что лорд Артур Медлинг, опасаясь предстоящего листопада, распорядился прикрепить проволокой листья к ветвям деревьев в своём родовом парке.

ОСЛО. Встревожённые друзья Квислинга обратились к нему с запросом по поводу слов квислинговца Херейда: «Все мы висим на волоске!» Квислинг разъяснил, что тревожиться нечего: «Если оборвётся волосок, всех нас повесят на крепкой верёвке».

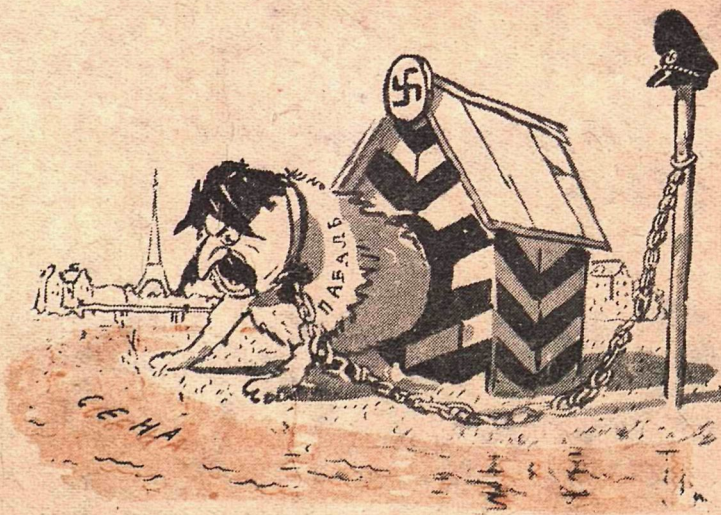
БЕРЛИН. Строительство мощного железобетонного вала, тянущегося от Нарвика (Норвегия) до Пирея (Греция), уже закончено. Идут отделочные работы по оштукатурке и окраске панели. Самое замечательное в этом грандиозном сооружении — превосходная маскировка. Даже находясь в нескольких шагах от вала, невозможно установить его наличие.

БЕРЛИН. Правящие круги Германии сильно обеспокоены низким качеством выпускаемых кнопок, которые принесли и продолжают приносить населению большие убытки. Особенно остро этот вопрос стал после заявления, сделанного ещё весной германским информационным бюро о том, что «нужно лишь нажать кнопку, чтобы осуществились германские военные планы».

ХЕЛЬСИНКИ. Финская газета «Суомен враакен» сообщает: на промышленных предприятиях Финляндии отменены перерывы на обед. По распоряжению министра продовольствия перерывы вместе с обедами перенесены на послевоенное время.

СТОКГОЛЬМ. Недавно в Берлине распространился слух, что Геббельс сошёл с ума. Германское информационное бюро поспешило разъяснить: Геббельс действительно сошёл с

Рис. А. Каневского

Собака на Сене.

ПОВЫШЕНИЕ

Проснувшись, Гиммлер обалдел:
Приказом срочным утренним
Его, министра мокрых дел,
Назначили по внутренним.

Опомнясь, он сказал: «Ну что ж!
С гестаповской свитой
Теперь попор, петля и нож
Пойдут гулять в открытую!»

КОШМАР

Слуга, поднявший занавеску,
Будил легонько Антонеску.
Тот пробурчал: «Поди ты прочь!
Не спал я!..»
«По какой причине?»
«Кошмар преследовал всю ночь:
Летел я вслед за Муссолини!»

А. ЖАРОВ

Двадцать третье августа

I
Немцы по радио были восторженно,
Немцы печатали в сотнях газет:
«Красная Армия вся уничтожена!
Слушайте! Слушайте! Нет её! Нет!»
Геринг вещал, добиваясь овации:
«Немцы! Поручкою вам моя честь,
Нет у Советов теперь авиации!
Только у нас авиация есть!»
Гebbальс потребовал также внимания.
И, поднагужившись что было сил,
Флот наш в пучине бумагомарания
Вечною ручкою своей утопил.
Все перерезали немцы артерии,
Заняли все основные пути.
Ни кавалерии, ни артиллерии,
Даже пехоты у нас не найти.
Кто же в России сражается с немцами?
Кто эта армия? Кто этот флот?
«Древние старцы с прудными младенцами —
Вот большевизма последний оплот!
Танку младенец — противник нетрудненький,
Но эти русские... кто их поймёт?
Пущены в ход разрывные нагрудники!
Каждый старик — боевой пескомёт!
Всё же мгновенья России сосчитаны,
Час наступил для неё роковой!»
(Немцы орут, но наткнулись на щит юни
И захлебнулись под нашей Москвой.)
Фрицы продрогшие купались в мантии.
Фрау визжали. Опять и опять
Фюрер давал им победу с гарантией
Дня через два... через три... через пять...
Немцы по радио были восторженно,
Немцы печатали в сотнях газет:
«Красная Армия вся уничтожена!
Слушайте! Слушайте! Нет её! Нет!»

II
Красная Армия! снова и снова,
Жерлами пушек своих говоря,
Ты выступала настолько сурово,

Что отказался от взятого слова
Гитлер тридцатого января.
Геринг то клялся-то, Геринг то врёт-то,
Стал он посмешищем малых ребят:
«Несуществующие» самолёты
Очень существенно фрицев бомбят!
Вдавлены в землю бандитов останки,
Чтоб неповадно им впредь было лезть.
Крепкая штука — советские танки:
Их «уничтожили», а они есть!
В рейде отважном, в нежданной погоне
Скорый и правый свершается суд.
Красные всадники, красные кони
Чёрную пибель фашистам несут!
И, нарастая средь пула и воя,
Рушится, всё сокрушая, гора —
Русское прозное, боевое,
Неопразимое, штыковое
Немцеубийственное «ура»!

III
Диктор, Орёл ещё не откаржав,
На прожевав ещё Белхорот-т...
Кашляет, давится: «Хар-р-коф... Хар-р-
коф-ф...»

Как говорят: от ворот—поворот!
Где же обещанная победа?
Ведь верещали горе-вожди:
«Будет победа после обеда!»
Даже обеда теперь не жди.
Мир не видал такого афронта!
Рупор безумствует: «Всем! Всем! Всем!
Мы сокращаем линию фронта!»
Так сократиться можно совсем.
(Кости эсэса... луна... ворона...
Зрелище очень обьичное,
Это, по Геббельсу,— блицборона,
Так называемая «эластичная»).

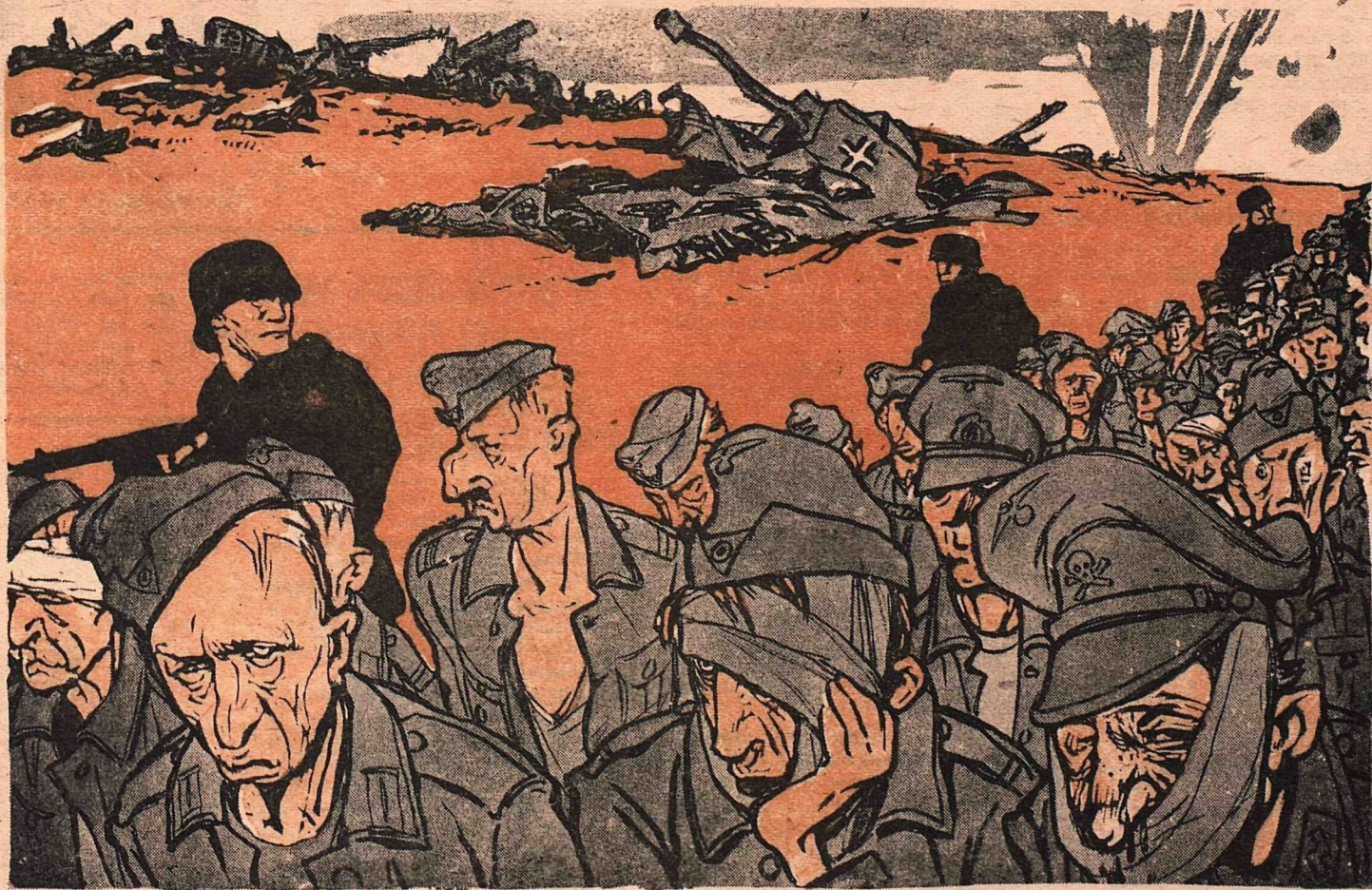
IV
Будут изучать по книгам дети
После окончания войны
Огневое это двадцать третье,
Боевое мужество страны.

Будут им истории скрижали
Говорить на русском языке,
Как у нас фашистов окружали,
Как взаправду их уничтожали,
Как мы пород Сталинград держали,
Что стоит на Волге на реке.
Будут петь ребята наши песню,
Выходя на праздничный парад,
Как полюб от немцев их ровесник,
Партизанский не предав отряд.
И смотря на прозные морщины,
Замечая рану или шрам,
О боях вот этой годовщины
Будут узнавать по вечерам.
Как бойцам сияло после боя
На речном отлогом берегу
Русское, родное, голубое
Небо, неподвластное врагу.
Как в песочке щебетали птицы,
Как цвели пунцовые цветы...
Как отцу пришлось жестоко биться,
Чтобы рос и жил свободно ты.
Это будет! Поздно или рано.
Но пути к победе нелепки.
По большому сталинскому плану
Двигнутся советские полки.
Били немца на морозе лютом,
И в жару не хуже немец бит!
Громовым приветственным салютом
Так Москва сегодня говорит.
И в ответ ей зрелот неустанно
Морем нефти, горами руды,
Золотом садов Узбекистана
Всей страны победные труды.
Не впервой нам гнать из дому воров!
Укрощали навсегда задир
Александр Невский и Суворов,
И Чапаев — красный командир.
И войдёт как символ этой даты,
Памятник в грядущие века:
Гений в одеянии солдата
И вперёд зовущая рука.

А. РАСКИН.

ТРЕСКУЧАЯ ЖАРА

Рис. К. Елисева.

«Когда мы ехали на фронт, мы больше всего боялись быть «сморозенными».
(Из показаний немецких военнопленных.)

Дело будет под Полтавой

Рис. Ю. Гапфа

Б О

«СТРОГО секретно. Всем старшим вральманам, младшим брехунштурмфюрерам, средним фонболтундитмарам...»

Так начинается перехваченная нами наднях инструкция германского министерства пропаганды. Далее следует такое содержание:

«Друзья и соратники! Везде и всюду опровергайте с пеной у рта слухи, что фюреру нездоровится. Допускаем, что в ближайшем будущем ему крепко нездоровится, но ещё недавно он твёрдой рукой вёл наши доблестные войска от Орла к Белгороду, от Белгорода — к Харькову. А сейчас закалённые в отступлениях немецкие гренадеры идут под водительством фюрера всё дальше и дальше от Харькова, всё ближе и ближе к границам Германии.

Недалёк тот час, когда в результате наших новых эластичных побед мы под нажимом окончательно разгромленных русских эластично оставим Полтаву.

Возникнет эластичный вопрос: как это новое высокое проявление германского духа осветить в печати? Отвечаем коротко и ясно: надо не освещать, а затемнять.

В этом отношении пользуйтесь опытом боёв в районе Харькова, где под натиском русских отступали немецкие войска, но прочно удерживал свои рубежи эластичный язык Геббельса.

В описании о боях в районе Полтавы избегайте упоминать слово «Полтава». Слово «Полтава» непонятно среднему немцу. Для среднего немца пишите, что бои протекают в районе западной излучины нижесреднего течения Восточного Дона.

В каждом сообщении об этих боях не забывайте упомянуть, что все атаки русских отбиты. Можете ежедневно отбивать до 15 (пятнадцать) атак, причём 1 (один) немецкий танк обязательно уничтожает 306 (триста шесть) русских танков. Можно и 307 (триста семь).

Акуратно через день окружайте крупным шрифтом крупные группировки русских войск. Шрифта не жалеть!

Что же касается мелкого шрифта, то рекомендуем хранить его как зеницу ока. Нам в ближайшее время потребуется очень много маленьких буквочек для печатания германских сводок об оставленных нами русских городах. И чем больше город, тем меньше шрифт!

А в тот день, когда под мудрым командованием фюрера мы будем удирать из Полтавы, весело и бодро напишите (см. наше сообщение о Харькове), что «Полтава включена в систему эластично проводимых оборонительных боёв, которые ведут германские войска». Что сие означает, мы ещё сами не знаем. Когда разберёмся, сообщим дополнительно.

Не забудьте также добавить, что, эластично убегая из Полтавы, мы всё же умудрились (см. наше сообщение о Харькове) захватить, между прочим, большое количество (все цифры в вашем полном распоряжении) русских пленных. Мы бежали, а пленные с оружием в руках бежали за нами.

Зарубите на своём носу следующее наше правило: как только немцы терпят какой-нибудь город, этот город теряет своё значение.

И если вы ещё недавно писали о том, что Полтава — ворота, дверь, замок, ключ, то сейчас немедленно забудьте о ключах, замках и других скобяных изделиях, а пишите (см. наше сообщение о Харькове), что Полтава не имеет никакого значения для немцев и что вообще полтавский климат очень вреден для здоровья. Для иллюстрации этого положения можете сослаться на обилие немецких кладбищ в районе этого города.

Одновременно заготовьте такие же статьи о других крупных украинских городах — пригодятся.

А главное — не стесняйтесь!..»

Перевёл с немецкого
Г. РЫКЛИН

СЛАВА И ИНСТРУКЦИЯ

(Быль)

ДОТоль никому не известный токарь И. С. Гринько сделал невероятное — в один день слава его прогремела на всю страну. Завод, на котором Иван Семёнович совершил свой подвиг, — военный. Так что рассказать о том, что сделал Иван Семёнович, не могу.

Но могу сообщить следующее: Иван Семёнович выгачивал, как никто, такие небольшие трубочки. А когда на фронте машин с такими трубочками много, немцу становится скучно. Словом, как поётся в песне: «Выходила на берег Катюша и перестреляла много фрицев...»

Жители города с гордостью говорили:

— Наш Иван Семёнович...

Однажды утром в городок прилетел самолёт, и через час весь город знал, что это прилетел кинооператор и что он будет снимать Ивана Семёновича.

Но, как сказал один философ, «слава при жизни изменчива». И вот и в жизни Ивана Семёновича наступил чёрный день, верней, чёрный вечер...

Начался этот день безоблачно: утром по всему городу были расклеены афиши, приглашавшие горожан

в театр на просмотр киножурнала об Иване Семёновиче. В этот день люди, встречая Ивана Семёновича, говорили ему:

— Сегодня, Иван Семёнович, вас в кино раздают: весь город в зал набьётся!

Иван Семёнович степенно отвечал:

— Ничего, не беспокойтесь: мне-то место найдётся!..

И вот наступил вечер. Иван Семёнович решил пойти в кинотеатр к самому началу сеанса. И вот он встал перед толстенной контролёршей, прозванной местными ребятишками «бабой Ягой». И вот «баба Яга» стала поперёк двери и несмотря ни на какие просьбы Ивана Семёновича в театр его не пустила.

Потому не пустила, что соответствующая инструкция гласит: «На вечерние сеансы граждане до 16 лет не допускаются».

А Ивану Семёновичу, хоть и было неполных шестнадцать, но на вид ему и пятнадцать не дашь...

Так и не видел знаменитый токарь И. С. Гринько кинофильм о знаменитом токаре И. С. Гринько.

Вас. АРДАМАТСКИЙ

— Так жмёт на Украине, что
Средиземном море.

ЗАСТОЛЬНАЯ

Мы с ним встретились в столовой.

— Этот стул не занят? Нет?

Что сегодня? Суп... нево!

Каша... чай... Ну и обед!

Так-с! У вас талоны брали?

Нет? Сейчас мы провернём.

— Вы не курите? Ого!
Да, табак у вас отменный.
Где вы брали? У кого?
Не на базе? Ах, обычно?
По талону? Просто так?
С виду он вполне приличный,

ЗАТРУДНИТЕЛЬ

Рис. Г. Валька.

— Женя! Где вы пропадали?

Два часа сидим и ждём.

Женя, как там положение?

Женя, есть у вас вино?

Как-нибудь устройте, Женя!

Ах, вы Маша? Всё равно!

Маша, белый хлеб дадите!

Маша, только поскорей!

Маша, повару скажите

Для меня, чтоб пожирней.

Маша, как дочурка ваша?

Сын? Ах, горлышко болит?

На второе, значит, каша?

Маша, вот вам стрептоцид.

Не стесняйтесь, я вам скоро

Принесу ещё пакет.

Маша, как насчёт кагора?

Маша, повару прилет.

Маша, вы ему скажите:

Пропуск я достать смогу.

Маша, вы нам принесите

Вместо каши три рагу.

Только, Маша, непременно!..

— Ещё один сбитый фриц,
звёзды ставить.

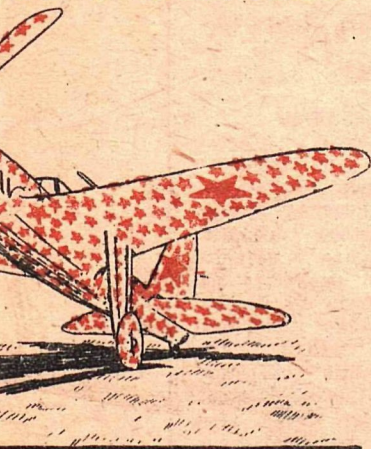
Наступает зима

пришлось остаться без сапога на

А раскуришь — дрянь, табак!
Вы случайно в Главснабкоже
Не имеете руки?
Кто-нибудь из вас, быть может,
Знает, где достать чулки?
Просто сделаете благо:

НОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

товарищ майор, и некуда будет

Нужно срочно мне достать,
Для сестры жены завмага
Магазина номер пять.
Между прочим, вы-то сами
Отоварились уже?
Где-то мы встречались с вами,
Не на базе ли ТЭЖЭ?
Нет? Так, может, в Глазрезине?
Вы поэты? Я польщён!
Кстати, в вашем магазине
Мой племянник прикреплен.
Я в душе, как говорится,
Сам немножечко поэт.
А нельзя ли на «Марицу»
Через вас достать билет?
Вы — билет, я вам — чернила.
Ну так как же? По рукам?
Если вы из «Крокодила»,
У меня есть дельце к вам:
Сам директор Главвхрамла
У меня вчера спросил,
Как устроить два журнала:
«Олонёк» и «Крокодил».
Ну, так как? За вами слово.
Вы — ему, он — мне, я — вам...

Мы с ним встретились в столовой...
Вам не встретился он там?

Вл. МАСС,
Мих. ЧЕРВИНСКИЙ.

ПРОШЛУЮ зиму я провёл в городе Н.
Чудесный маленький городок. Тишина. Стрельбы нет. Затемнения нет.
Водопрвод отсутствует.

В этом городе я буквально отдохнул душой и телом. Правда, знакомые при встрече со мной ахают.

— Что это, — говорят, — с вами? Такое впечатление, будто по вас тяжёлый танк прошёл.

— Не знаю. Наоборот. Чувствую себя довольно прилично. Конечно, зима имела свои дефекты. Зима меня немного опрокинула. Но человек так устроен, что он вскоре забывает невзгоды. И сейчас, когда ещё солнышко блестит, всё прошлое кажется далёким и неповторимым.

Ох, неповторимым ли?

Зимой у нас в Н. было топлива. Нет, нельзя сказать, что вовсе не было топлива. Наоборот, топлива было много. Но оно лежало за городом.

По подсчёту научных сил, там имелось топлива минимум на сорок лет. Это может радовать население, что имеются такие запасы. Всё-таки не так холодно на душе, когда знаешь, что столько припасли.

Был бы транспорт — и, как говорится, дело было бы в шляпе. При наличии транспорта, я так думаю, это топливо непременно стали бы вывозить. И тогда что-нибудь и перепало бы населению.

В декабре жильцы нашего дома сходили в горсовет. Обратились к председателю. Сказали ему: дескать, топливо за городом, лежит себе, мокнет; разрешите, дескать, на саночках вывезти малую толику для своих низменных потребностей.

Председатель на нас рассердился. Он сказал:

— Или вы очумели или я не знаю, что с вами! Где это выдано — расхватывать топливо неорганизованным порядком?! В настоящее время мы печатаем ордера на получение дров. Через неделю мы вам выдадим эти ордера. И по ним вы получаете дрова, когда мы их подвезём.

Один из жильцов, малодушно вздохнув, сказал:

— А если не подвезёте?

Председатель посмотрел на этого жильца с презрением. Он сказал:

— Если не подвезём, тогда имейте мужество с достоинством нести невзгоды во время войны.

В конце декабря население города стало сносить заборы. Стало заборами топить печки.

Председатель горсовета прямо ахнул, когда увидел такую картину.

— Ну нет! — сказал он. — Не потерплю, чтоб на моих глазах происходило нечто подобное.

И он отдал распоряжение — разобрать все заборы, сложить их в кучу на пустыре с тем, чтоб весной снова опоясать сады заборами.

Две недели разбирали заборы. Сложили их в кучу на пустыре. И поставили охрану.

Однако население не растерялось. Перестроив свои ряды, население стало топить печки деревьями.

Чудные деревья исчезали с бульваров и с улиц, спиленные по ночам неизвестной преступной рукой.

Председатель горсовета прямо схватился руками за голову, увидев гибель панорамы чудесного города.

— Ну нет! — сказал он. — С этим злом будем бороться со всей энергией.

Усилили охрану. И патрули стали ходить по городу. В первую же ночь задержано было на месте преступления 160 граждан.

Среди них оказался городской судья, спиливший дерево перед зданием суда.

На суде судья сказал:

— У меня годовалый ребёнок. Он топливо себе требует. Без этого разве я стал бы пилить это дерево?

Тогда ещё больше усилили охрану. И пилка деревьев почти прекратилась.

Однако население и тут не растерялось. Стали разбирать лестницы, сарай, общественные уборные и так далее.

Боже мой! Что было бы, если б зима продолжалась бы год подряд!

Но тут ударила весна. И председатель горсовета вздохнул свободно.

На вечере у одних знакомых я встретил этого председателя. Все поднимали бокалы за его здоровье.

Скромно улыбаясь, он произнёс ответную речь. Он сказал:

— Зима была чертовски трудная, но мы с честью вышли из положения. Поработали неплохо.

Чокнувшись с председателем, я сказал:

— Поработали вы действительно немало. Интересно знать: что было бы, если б всю эту работу, всю энергию и волю, все рабочие руки: всех сторожей и судей, наборщиков и председателей — направить на одно дело — на перевозку топлива?

Пожав плечами, председатель отвернулся от меня, ничего не сказав.

Наступает новая зима.

Нет, я не хотел бы вернуться в этот маленький чудесный город Н., где председателем горсовета Н. Н.

МИХ. ЗОЩЕНКО

ВИДЫ НА УРОЖАЙ

Рис. В. Фридкина

— Ну, как ваша картошка, выросла?
— Нет, переросла... В судебный процесс. Судят соседку, которая у меня её выкопала.

МЕТКИМ УДАРОМ

(По столбам красноармейской печати)

РАЗГОВОР В ОКОПЕ

Ганс:— Скажи, Фриц: сколько ещё осталось до деревни Н.?

Фриц:— До деревни Н. остались мы с тобой и ещё несколько солдат.

(«Боевой натиск».)

ВОСПОМИНАНИЯ ПРЕЖНИХ ДНЕЙ

— Помнишь, Пауль, 1940 год?

— Ещё бы! Мы были во Франции. Брали всё, что попадалось под руки.

— Да, тогда у меня ещё были руки.

— А помнишь, как мы бежали из Сталинграда?

— Ещё бы! Ведь у меня тогда ещё были ноги!

(«Сталинец».)

УРОКИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Задумав свой поход, вначале

Фашисты яростно кричали.

Теперь немецкая печать

Рекомендует им молчать.

(«За Родину».)

СЕРЬЕЗНОЕ ЗАБОЛЕВАНИЕ

Рис. В. Клинка

— Что с вами?
— У меня мания преследования личных целей.

«Выхожу один я на дорогу...»

НЕДАВНО мне пришлось быть на концерте одного из многочисленных ансамблей песни и пляски.

Небольшая сцена ведомственного клуба заполнена доотказу. Дирижёр взмахивает палочкой. Нестройный хор молуных глоток затягивает:

«Вы-хо-жу-у о-дин я на-а до-ро-гу...»

А выходит их на эту дорогу по меньшей мере двести семнадцать человек, не считая рабочих сцены и обслуживающего персонала...

Теперь надо иметь большое гражданское мужество, чтобы появиться на сцене один на один с аккомпаниатором. Скоро, вероятно, мы увидим, как шестнадцать Ленских, встряхивая чёрными кудрями, хором начнут вопрошать:

«Куда, куда, куда вы удалились?»

А двадцать два Онегина, вырвавшись гурьбой из кулис, потребуют:

«На-чём, по-жалуй!»

И откроют по Ленским беглый огонь из пистолетов...

Как и почему всё время возникают новые ведомственные ансамбли песни и пляски?

Для того чтобы народился какой-нибудь новый ансамбль, нужен меценат. Меценату необходим наркомат. Когда находится меценат с наркоматом или наркомат с меценатом, — дело можно считать в шляпе...

Несколько месяцев назад все тумбы в Москве были заклеены призывом:

«Ансамблю Наркомата вооружений требуются танцоры, певцы, акробаты, клоуны, профессора Консерватории, плотники, парикмахеры, заслуженные артисты, снабженцы и чечоточники...»

Дело ставилось на широкую ногу. Меценат на этот раз отыскался в Наркомате вооружений. В городе Ижевске он случайно наткнулся на некий ансамбль визга и топота, руководимый прытким молодым человеком со злобещей фамилией Погорелов.

Честолюбивые ведомственные дерзания зародились в душе мецената.

— Хотите в Москву? — спросил он Погорелова.

— Хочу! — хором ответил тот.

— Ну, что ж, поехали?

— Поехали...

И действительно поехали...

Всесоюзная слава и мировое признание, заслуженные Александром Васильевичем Александровым, создателем замечательного красноармейского ансамбля, мучат не только различных сомнительных вокально-танцевальных деятелей, но и солидных работников солидных ведомств.

Погореловцы приехали в Москву. Прописались. Прикрепились. Отоварились. Получили трёхэтажный дом в Кунцево для проживания и творчества. Объявили массовый набор всего трудоспособного населения столицы.

Наконец, у мецената в Наркомате собралось творческое совещание.

— Ну, вот что, товарищи, — сказал меценат, строго поглядывая на погореловцев. — Средства я не пожалел... Материалов тоже... Но ставлю одно условие: надо, чтобы у нашего ансамбля было другое лицо, чем у Александровского...

Погореловцы засуетились:

— Насчёт лица не ручаемся, но костюмы будут другие...

— И декорации другие...

— Какие вообще у Александрова декорации?! Голо и пусто... А мы развесим панно, паласы, сюзаны, гобелены... Так сказать, мануфактурой задавим...

Меценат остановил их нетерпеливым жестом:

— Мануфактурой всех давно уже задавил ансамбль клуба НКВД... У них, говорят, на программу одной кустарной вышивки три километра пошло...

— Это на первую программу три километра... А на вторую — четыре... За это время ансамбль творчески вырос...

— Творчески вырос на один километр кустарной вышивки?!

— Ну да... Знаете, какое оформление?! Шик!.. Не то покой эмира бухарского, не то комиссионный магазин в Столешниковом!..

Кто-то робко предложил:

— А что если на количество нажать?..

Так сказать, огорошить масштабами... 208 теноров, 175 баритонов, 143 баса, 96 плясунов...

Но его просто затюкали:

— Ну, кого же это вы теперь удивите количеством?! Вон железнодорожный ансамбль Дунаевского еле-еле в двенадцать вагонов погружается...

— А ансамбль Школьника на концерт меньше чем в десяти автобусах и не выезжает...

— А «Морская душа» Мурадели никак на гастроли не тронется... Говорят, нет линкора такого тоннажа, чтобы этот ансамбль поднять... Решено самый большой авианосец в ансамбленосец переоборудовать...

Заведующий литературной частью сказал:

— Давайте больше весёлых интермедий играть... У Александрова только поют и танцуют, а мы играть будем... Кто-нибудь текст напишет...

— Уже писали для Мурадели. Уже играли в зале Чайковского. Уже ругали в «Известиях».

— Тогда джаз устроим... Кроме балета и хора, джаз...

— Лучше орк... Это оригинальней... Джаз уже есть в «Морской душе»...

Всё-таки самолюбное лицо ансамбля Наркомата вооружений было найдено. Нашёл сам Погорелов. Он заявил, что новый ансамбль будет ансамблем синтетического искусства.

— Какого?

— Синтетического... Что, например, делают у Александрова танцоры?

— Танцуют.

— А у нас они будут играть Марка Твена...

— Кто же станет танцевать?

— Саксофонисты...

— А кого посадим за саксофон?

— Заведующего осветительной частью...

Увы, не пришлось меценату из Наркомата вооружений посрамить своим ансамблем Александрова! Погубила злобещая фамилия руководителя. Погорелов погорел. Вместе с Погореловым погорели и остальные погореловцы. Суровые реалисты из райвоенкомата оказались против синтетического искусства и за отправку здоровых молодых людей на военные заводы...

Жмём вам руки, безыменные товарищи из военкомата! У вас оказалось больше тонкого вкуса и критического чутья, чем у многих профессиональных критиков.

Евг. БЕРМОНТ

СЛАБАЯ СТРУНКА

— Ведь я вас не спрашиваю, где вы работаете!..

— Ого, так бы я вам и сказала!

— И адреса мне не надо...

— Неужели?! А то я бы вам его так и выложила!

— И не интересуюсь, сколько у вас людей работает...

— Вот, вот. А вы поинтересуйтесь. Да первого милиционера доведу и — точка.

— Да хоть многоточие. Не страшно. Просто я вас хотел спросить: любите вы его или нет?

Жест в сторону уличного громкоговорителя, из которого льётся очень знакомый голос: «Что-о та-ак гру-устно...»

— Я? Его? Обожаю!

— А я вот, представьте, терпеть не могу.

— Вы? Его?! Ну и ну! Первый раз в жизни такие индивидуальные вкусики встречаю! С ума сойти! Да вы, вероятно, какой-нибудь психически неполноценный! Да у нас на оборонном заводе огромный коллектив в четыре тысячи человек — все от него без ума! Сам наш директор — не кто-нибудь, а известный орденосец Башмаков Иван Иванович — приглашение ему написал, чтоб он у нас концерт дал. Мы думали, он не придет. Всё-таки 30 километров от города, да ещё в нашей Увязихе такая безумная грязь! А он, душа такой, взял и прикатил! Выходит из машины, а как раз напротив нас, на Плюшкинской № 25, — лужа! Ничего, он улыбнулся и перешёл!.. Вы чего? Чего вы смеётесь?..

В. КАРБОВСКАЯ

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Прошу тебя обратить внимание на выходящее из ряда вон внимательное отношение председателя Грозненского горсовета тов. Матышева к моей семье, как семье военнослужащего, находящегося на фронте.

Не знаю, может быть, есть и другие председатели горсоветов, которые посещают квартиры семей военнослужащих, но тов. Матышев решительно не выходит из моей квартиры. Он в ней и дышит и по-чует. Его внимание к вещам в этой квартире так велико, что он уже не делает различия между своими и нашими вещами. Моя семья была эвакуирована, а теперь не может вернуться, потому что внимание председателя горсовета целиком приковано к моей квартире и не может уже вместить никого другого.

Конечно, мы польщены таким вниманием председателя горсовета. Но не следовало ли бы ему более равномерно распределить своё участливое отношение к семьям военнослужащих, и если ему так уж негде жить в г. Грозном, то ночевать попеременно в квартирах фронтовиков? А то что же одной моей семье выносить на своих плечах тяжесть внимания тов. Матышева к семьям фронтовиков!

Военный инженер 3-го ранга
В. НИКОЛАЕВ

Товарищ Крокодил!

Попроси, пожалуйста, Уриельский поселковый совет, Ивановской области, выдать официальную справку о том, что на территории Уриельского рабочего посёлка действительно проживает моя жена Анастасия Андреевна Шишкова, что на её иждивении находятся пятеро детей, что её муж, то есть я, действительно нахожусь в рядах Красной Армии.

Как только получишь эту справку, перешли её моей жене в Уриельский посёлок.

Моей жене в поселковом совете такой справки не дали по той причине, что частным лицам никаких справок не выдают: требуется официальный запрос какой-либо организации.

Я сержант Красной Армии, личность тоже, так сказать, частная. Ты же как-никак организация официальная, и вся надежда у меня на тебя, товарищ Крокодил.

Я. ШИШКОВ

Полевая почта 66427 К.

Дорогой Крокодил!

Вначале был штамп. Обыкновенный календарный штамп. Потом штампа не стало. Обыкновенного календарного штампа. И тогда стало совсем невозможным перевести по почте деньги за пределы области из города Каменска.

Ещё весной каменские связисты попросили своё областное начальство заказать в Ростове календарный штамп. Но чтобы не обременять себя столь непосильной задачей, начальник областного управления связи Петренко после четырёхмесячного размышления нашёл блестящий выход из создавшегося положения. Он предложил: «Прекратить

ИЗ ЦИКЛА ПОРТРЕТОВ «НЕ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Рис. В. Горяева

ОСВЕДОМЛЕННЫЙ ТОВАРИЩ

— А я вам говорю, что это будет так! Поверьте мне, — иначе быть не может! Вы знаете, где служит мой свояк? Так вот, он говорит буквально то же! Ему сказал один знакомый врач, А у врача есть пациент знакомый, Который, безусловно, не трапач И часто у него бывает дома. Так этот пациент — он через зятя вхож В одну семью, к известным очень людям... И там был разговор... Понятно вам? Ну, что ж? Зачем же мы впустую спорить будем? В газетах этого пока, конечно, нет, Но будет... А когда? Конечно, неизвестно! Я новости узнать стараюсь до газет, Иначе просто жить неинтересно... Что-о? Всё наоборот? Откуда эта весть? Вы можете ручаться?.. Ну, едва ли! Кто это вам сказал?.. Во всех газетах есть? Чудак! Так что же вы мне сразу не сказали! Не даром прыг меня сомнения червяк, И я оказал вчера одним своим знакомым, Что будет всё совсем, совсем не так, А непременно по-другому!

Вас. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

приём денежных переводов за пределы области из-за отсутствия календарного штампа.

Как видишь, тов. Петренко в вопросе о штампе избежал штампа. Поэтому убедительно прошу тебя, дорогой Крокодил, посоветуй, куда удобнее выехать из Каменска: в Сталинградскую или Ворошиловградскую область, — чтобы сделать денежный перевод.

А. ЕРОШЕВ

ПО ПРИВЫЧКЕ

- Фюрер, мы потеряли Харьков!
- Не имеет ценности.
- Мы потеряли Таганрог!
- Не имеет ценности.
- Мы потеряли Сумы!
- Не имеет ценности.
- Мы потеряли голову!
- Не имеет ценности.

О. БРИК

СКУПЕЦ

В Берлинский банк пришёл немец:
— Я бы хотел положить на сбережение 7 тысяч марок.
— Пожалуйста, — сказал кассир.
— А скажите: кто мне будет гарантировать сохранность моих денег?

— Управляющий банком, — сказал кассир.
— Ну, а если с управляющим что-либо произойдёт?
— Ну, тогда государство.
— Ну, а если с государством что-либо произойдёт?
— Ну, тогда фюрер.
— Ну, а если с фюрером что-либо произойдёт?
— Какой вы жадный! Неужели вам будет жалко 7 тысяч марок, если с фюрером что-либо произойдёт? — тихо ответил кассир.

В. РОГУЛЕВ

33 АМУЛЕТА

В офицерском клубе во Франции группа немецких офицеров распивает коньяк. Разговор идёт об амулетах.

— Вы знаете обер-лейтенанта Ганса Кухена, из 56-го полка? — спрашивает собутыльничков тощий, вылизанный майор с чёрной повязкой на глазу. — О, это интереснейший случай! У Кухена было тридцать три амулета, предусматривавшие всевозможные случаи неприятностей на фронте, как то: ранение холодным или огнестрельным оружием, подрыв на противопехотной или противотанковой мине, отравление пищевыми продуктами, удары тяжёлыми предметами по черепной коробке и тому подобное... Все тридцать три амулета Ганс Кухен таскал на себе. Тридцать три месяца он был жив и здоров. В июле его перебросили из Лиона в Харьков, а на прошлой неделе его вдова уже получила посылку, в которой были аккуратно уложены все тридцать три амулета!

Ал. ФЛИТ

ДЕРЖИСЬ, ФРИЦЫ, НАЧИНАЕТСЯ!..

Наш лозунг — держаться!
(Из выступлений немецкого радиокomentатора Дитмара.)

В штабе держатся за голову.

Офицер держится за награбленное.

Обыватель еле держится на ногах.

И все они держатся того мнения, что их дело — швах.

Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, М. ВОШЕНКО, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отец редактор). Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, 48, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-30; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал — 1 р. 40 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва, Изд. № 643

Подп. к печати 4/IX 1943 г.

Стаформат 72x105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 1454.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2336.

Тираж — 100 000 экз.